

О. Р. Николаев

Сколько Акулин в «Барышне-крестьянке»?

В письме от 9 декабря 1830 года Пушкин писал П. Плетневу, с пометой «Для тебя единого»: «Еще не всё: (Весьма секретное) Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется...».¹

Вопрос «Почему Баратынский „ржал и бился“?», понятно, интриговал и провоцировал практически всех исследователей, кто писал о «Повестях Белкина». В. В. Головин поставил вопрос в лоб, включив его в заглавие своей статьи, посвященной «Барышне-крестьянке».² Данная статья принимает вызов, включается в столь любимый Валентином Головиным формат «интеллектуального состязания».

Статье предшествовал долгий бесписьменный период — летние телефонные разговоры: мы вместе ломали голову, спорили, восторгались находками друг друга. Когда стало понятно, что это будет статья в юбилейном сборнике, обсуждения с Головиным я свел на нет, но продолжал делиться своими мыслями с друзьями и коллегами.

Приношу свою искреннюю благодарность всем, кто выручил в поиске материала, помог профессиональными

¹ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М., 1937—1959. Т. 14. С. 133. Далее тексты Пушкина цитируются по этому изданию с указанием при цитатах в скобках тома и страницы.

² Головин В. В. «Барышня-крестьянка»: Почему Баратынский «ржал и бился» // РЛ. 2011. № 2. С. 119—135.

консультациями, в конце концов, просто меня выслушал: Дмитрию Равинскому, Татьяне Китаниной, Марине Федотовой, Сергею Федорову, Антону Скулачеву, Сергею Лавлинскому.

Акулина первая

Первая и главная Акулина повести — понятно, мнимая, за которую себя выдает Лиза. Именно эту Акулину и запоминает читатель. «Лиза-Акулина» — по сути, точный антропонимический синоним оксюморонной формулы «барышня-крестьянка». Здесь налицо тот же социальный контраст. Имя «Акулина» во времена Пушкина подчеркнуто крестьянское (вернее, простонародное, оно было популярно и в купеческой среде).

По подсчетам В. А. Никонова, в XVIII веке на тысячу крестьянок приходилось 117 Акулин, а на тысячу дворянок — только одна.³ Имя «Елизавета» было, напротив, подчеркнуто дворянским: 88 — на тысячу, у крестьянок — 12.⁴ Кроме того, «Елизавета» обладала богатейшей культурной и литературной репутацией, апогеем которой для пушкинского времени была «Бедная Лиза» Н. М. Карамзина.⁵ Акулина литературной истории не имела, и ее репутация складывалась исключительно в фольклорной среде. Иначе говоря, повесть можно было бы назвать «Лиза-Акулина», и для современников Пушкина социальные смыслы этой формулы были бы вполне прозрачны.

С социальной семантикой имени «Акулина» Пушкин в своих произведениях «работал» не раз. Так, метаморфозы старшей Лариной (от европейски просвещенной

³ Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. С. 54. Среди купчих, по подсчетам Никонова, на тысячу — 48 Акулин.

⁴ Там же.

⁵ См. об этом в кн.: Топоров В. Н. «Бедная Лиза» Карамзина: Опыт прочтения. М., 1995. С. 393—478. Выбор Карамзиным для крестьянки некрестьянского имени вполне красноречив. Представить себе «бедную Акулину» довольно сложно.

дворянки к русской помещице) означены антропонимическими коллизиями:

Бывало, писывала кровью
Она в альбомы нежных дев,
*Звала Полиною Прасковью...*⁶
<...>
Стишков чувствительных тетрадь
Она забыла; стала звать
Акулькой прежнюю Селину... (VI, 46).

В повести «Гробовщик» Акулина — одна из дочерей Адриана Прохорова. Их простонародные имена контрастируют с европейскими нарядами: «Не стану описывать ни русского кафтана Адриана Прохорова, ни европейского наряда Акулины и Дарьи⁷ <...> обе девицы надели желтые шляпки и красные башмаки, что бывало у них только в торжественные случаи» (VIII, 91).

С ходом истории социальная оксюморонность «Лизы-Акулины» явно стиралась. Так, в фольклорном пересказе «Барышни-крестьянки», записанном мной в 1988 году в Западнодвинском районе Тверской области, сказочница К. Т. Клишкова в именах запуталась, «кузнецову дочь» назвав Лизой. Но когда по сюжету (сцена визита Берестовых к Муромским) понадобилось оба имени, Акулина все-таки всплыла, но с характерным комментарием сказочницы: «А он [Алексей] даже отвярнулся от яе [Лизы]: „Акулина моя куда лучшей. — эта Акулиной сама себя называла, — Лучшей!“ Ну да, Акулина, вот я сказала — Лиза... Или Лиза, черт яго... Ну, это все равно, что Акулина, то и Лиза».⁸

⁶ Здесь и далее по тексту статьи курсив мой. — О. Н.

⁷ По подсчетам В. А. Никонова, в XVIII веке среди тысячи крестьянок имя «Дарья» встречалось 157 раз, среди тысячи купчих — 79 раз, среди тысячи дворянок — 9 раз (Никонов В. А. Указ. соч. С. 54).

⁸ Возвращение в мир молвы («Барышня-крестьянка» в народных пересказах) / Публ. О. Р. Николаева // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994. С. 309.

Для крестьянского антропонимического кругозора советского времени сословная несовместимость Лизы и Акулины, естественно, уже не значима. Как, впрочем, и для современного читателя. Большею значимостью обладает фольклорная репутация Акулины, фиксируемая по случаям приобретения именем собственных характерологических свойств. Для Акулины эта репутация довольно неприглядна, что, кстати, до сих пор мешает возвращению имени в актуальный русский именовослов подобно тому, как вернулись другие старинные русские имена.

В «Словаре коннотативных собственных имен» Е. С. Отина на основании материалов диалектных словарей представлен диапазон характерологических значений имени «Акулины» и производных от нее форм — Кулина, Акулинка, Акуля, Акулька:

- «неопрятная, неаккуратная женщина»;
- «о плохо, небрежно одетой или повязанной женщине»;
- «глупая женщина»;
- «рассеянный, нерасторопный, неумелый человек (относится как к женщине, так и к мужчине).⁹

В пословицах, поговорках и близких к ним малым жанрам фольклора Акулина то нерадивая хозяйка («Видать, Акулина блины пекла: все ворота в тесте»¹⁰), то неумелая портниха («Акуля, што шьешь не оттуля?» — «А я, матушка, еще пороть буду»¹¹), то вообще некий несуразный персонаж, которого непонятно, на какое дело можно послать («Жаль Акулину — да послать по малину»¹²). «Нехорошей» репутации имени пословица может дать

⁹ Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. Москва — Донецк, 2006. С. 45—46.

¹⁰ Где цветок, там и медок. Детский фольклор, загадки, пословицы Карелии. Петрозаводск, 1993. С. 85.

¹¹ Русские пословицы и поговорки / Из собрания В. М. Подобина и И. П. Зиминой. Л., 1956. С. 171.

¹² Симоны П. К. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. СПб., 1899. Вып. 1. Сб. 1. № 910.

и обобщенную характеристику: «Была бы плохая — Акулей бы звали. А так все Анна». ¹³

Известны ли были эти неприглядные коннотации имени «Акулина» Алексею Берестову, Пушкину и... Баратынскому? Сложно сказать, ¹⁴ но в этом контексте от обращений Берестова «мой друг Акулина», «милая Акулина», «друг мой, Акулина» вполне можно «ржать и биться».

Акулина вторая

Вторая Акулина повести — реальная дочь «Василья кузнеца». Краткая ее характеристика вполне подтверждает предположение о том, что фольклорная репутация имени была известна Пушкину: «Но Алексей, прождав ее напрасно, мог идти отыскивать в селе дочь Василья кузнеца, *настоящую Акулину, толстую, рябую девку...*» (VIII, 115).

Лиза могла бы обойтись и без реального прототипа своего маскарада. Ясно, во-первых, что это нужно для убедительности — вдруг Алексей вздумает проверить, если и не придя к кузнецу (что запрещает ему делать Лиза), то, по крайней мере, наведя справки у своих дворовых людей. А во-вторых, очевиден тонкий игровой расчет Лизы: если уж прикидываться, то именно Акулиной, да еще и «толстой и рябой». По всей видимости, Лизе тоже известна фольклорная репутация имени «Акулина». В-третьих, в ряду имен девушек (это тоже известно Лизе!), на которых Алексей засматривался, играя в горелки, — Настя, Таня, Паша («...а на меня так уж слишком

¹³ Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области, записанные Владимиром Бахтиным в 1946—1981 гг. Л., 1982. С. 448.

¹⁴ Приведенные источники почти все, конечно, позднего времени, но уверен, что эта характерологическая семантика «Акулины» уже была и во времена Пушкина. Во всяком случае, сборник Симони составлен на материале старинных записей пословиц.

смотрел да и на Таню, приказчикову дочь, тоже; да и на Пашу колбинскую (VIII, 112)), — Акулина явно выделяется своей «кондовостью».¹⁵

Акулина третья

Третья Акулина повести в тексте появляется раньше всех, но плохо замечается читателем, по крайней мере, не запоминается, и в один ряд с другими Акулинами точно не встраивается: «В самом деле, ходил по рукам список с адреса одного из его писем: *Акулине Петровне Курочкиной, в Москве, напротив Алексеевского монастыря, в доме медника Савельева, а вас покорнейше прошу доставить письмо сие А. Н. Р.*» (VIII, 110).

В ходе работы над повестью «адрес» существенно варьировался: «а. В самом деле, он был в переписке с женою профессора б. и в самом деле, он был в тайной переписке с женою одного из его профессоров в. и в самом деле, он был в тайной переписке с женою какого-то частного пристава д. и в самом деле, ходил по рукам список с адреса одного из его писем: *Акулине Петровне Курочк.<иной> на Пресне в собств<енном> <доме>, а вас пок.<орнейше> пр<ошу> до<ставить письмо сие> А Н К.*» (VIII, 665). Как видим, в «адресе» по сравнению с автографом изменилось практически все, кроме имени. Статус адресата стал неопределенным: связь «с женою какого-то частного пристава» добавляла ненужную социальную кодировку в историю тайной любви, а уж с женой «одного из его профессоров» и вовсе отбрасывала нешуточную тень на «доброе малого» Алексея Берестова. Инициалы «А. Н. К.» превратились в «А. Н. Р.». Дом переместился с Пресни к Алексеевскому монастырю. Во-первых, явно к центру Москвы. Во-вторых, возможно, введение «монастырского»

¹⁵ Пушкин менял имена девушек: «а. да и на Дуню, приказчикову дочь да и на Сашу б. да и на Дуню приказчикову дочь то же да и на Сашу» (VIII, 670).

ориентира позволило Пушкину лишний раз дать отсылку к «Бедной Лизе» Н. М. Карамзина, действие которой разворачивается у стен Симонова монастыря.

В окончательном тексте Акулина Петровна Курочкина утратила и недвижимость (собственный дом), оказавшись «в доме медника Савельева». Эта, казалось бы, незначительная деталь изымает имя из адреса, лишая персонажа социального статуса домохозяйки, а с учетом знакомости имени «Акулина» ее возможной принадлежности к купеческому сословию. Все это сообщает технологии «тайной переписки» еще большую запутанность и тем самым фокусирует внимание читателя на самом имени.

Что же может говорить само имя — Акулина Петровна Курочкина, если его лишили хоть какой-либо конкретики? По предположению комментатора повести Т. А. Китаниной, в имени заключена языковая коллизия: «Акулина (*лат.* *aquilina* — орлиная) Курочкина — комический оксюморон».¹⁶ Добавлю, что уменьшительный суффикс в фамилии усиливает комический эффект: не Курицына, а Курочкина, — заодно, кстати, еще больше снижая романтический градус тайной «любобной связи» Алексея.¹⁷ Но, кажется, на этом антропонимическая игра, затеянная Пушкиным, не заканчивается. Отчество Акулины Курочкиной тоже, возможно, неслучайно. В русских пословицах «Акулина» и «Петр» составляют мало объяснимую, но устойчивую пару: «Наварила, напекла Акулина про Петра».¹⁸ В фольклорном именованном слове, кстати, встречаются

¹⁶ Приношу глубокую благодарность Т. А. Китаниной за любезно предоставленные мне материалы к комментарию.

¹⁷ См. об этом: «В любом случае, романтичность тайной переписки существенно подорвана прозаизмом сопровождающих ее обстоятельств, как свидетельствует адрес, сделавшийся известным среди уездных барышень: посредницей в переписке Алексея является Акулина Петровна Курочкина, проживающая напротив Алексеевского монастыря в доме медника Савельева» (*Шмид В.* Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина» и «Пиковая дама». 2-е изд. СПб., 2013. С. 227).

¹⁸ *Даль В. И.* Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 86.

Акулины с отчествами: «Акулина Федосевна до чужих ребят милосердна»;¹⁹ «Акулина Савична, вчерашня давичня, по печи елозила, ножки отморозила».²⁰ Но Пушкину явно больше приглянулась Петровна: и потому что всплывающая в подтексте коллизия и страннее, и забавнее, и потому что в «Повестях Белкина» Петровичей достаточно (сам Белкин, Берестов).

Мало того, в контексте развернувшейся игры с именами может быть объяснено и появление медника Савельева. Имя «Савелий» в русских пословицах рифмуется только с «похмельем»: «Савелья потчуют с похмелья»;²¹ «Савелия ломает с похмелья»;²² «Не всякому Савелью веселое похмелье»;²³ «Афонасия для ненастья, а Савелия с похмелья ломает».²⁴ Почему Савельев — медник, объяснить трудно. Одно ясно, что, будучи ремесленником, с состоянием похмелья он был знаком не понаслышке. В общем, можно сказать, что «Акулина Петровна Курочкина» «в доме медника Савельева» — своего рода свернутый антропонимический анекдот.

Игра игрой, но остается вопрос: почему Акулина Петровна Курочкина появляется в повествовании со своим полным именем как первый женский персонаж, после старшего и младшего Берестова и Григория Ивановича Муромского?

Во-первых, вводится имя «Акулина», вокруг которого и развернется рассказываемая история. Повествователь подчеркивает, что «список с адреса» «ходил по рукам». Сразу после следующего за «адресом» пассажа «...что за прелесть эти уездные барышни!» (VIII, 110) повествователь представляет Лизу, причем в весьма красноречивом

¹⁹ Там же. С. 119.

²⁰ *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. М.; СПб., 1880. Т. 2. С. 533.

²¹ *Симоны П. К.* Указ. соч. № 2163.

²² *Даль В. И.* Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 277.

²³ Там же.

²⁴ *Симоны П. К.* Указ. соч. № 128.

контексте: «Барышни сходили по нем с ума. Но всех более занята была им дочь англомана моего, Лиза...» (VIII, 111). Можно предположить, что если Лиза «всех более занята была им», то и список с адреса, о котором только что шла речь, она точно держала в своих руках. Тогда ее расчет с именем «Акулина» оказывается еще более изощренным. Она не просто для своего удовольствия подшучивает над «толстой, рябой» дочерью кузнеца и играет с неприглядной репутацией имени, а ехидно намекает Алексею на его прошлое, подобрав среди прилучинских крестьянок тезку Акулине Петровне Курочкиной.

Во-вторых, игровая антропонимическая семантика «адреса» указывает на то, что игра с именами станет одной из значимых коллизий повести, да и она сама построена на тотальной игровой поэтике.

В-третьих... От третьего объяснения удержусь, приберегая его для финального аккорда.

Акулина четвертая

Согласно тексту повести деревенское стадо выгоняют в поле очень рано — по всей видимости, еще только светает. Когда Лиза выходит из дома, нарядившись крестьянкой и дав наставления Насте «касательно мисс Жаксон», «заря сияла на востоке» (VIII, 113), то есть солнце еще не взошло.

Так рано скот выгоняют только в один период летнего времени — когда появляются слепни и оводы, с середины июня до середины июля. Эти насекомые становятся особенно активны где-то с 10 часов утра, скотина начинает беситься, «строчиться», «зыкаться», фактически уже не может пастись. В более ранний, как и в более поздний летние периоды скот выгоняли в поле гораздо позже, когда солнце взойдет.

По народному календарю это время слепней и оводов начиналось с Акулины (13/26 июня), которая поэтому и именовалась «Акулина-задери хвосты»: «...скот от

жаров и овода бесится, строчится (*строка, зык, бызы*)».²⁵ Очевидно, что встреча Алексея с Лизой-Акулиной и происходит в это «Акулино время», когда скот «зыкает», «зыкается»: ²⁶ «Испытывать сильное беспокойство, бегать, метаться из стороны в сторону, спасаясь от жары или от укусов оводов и других жалящих насекомых (о скоте в период летнего зноя). Опоч. Пек., Новоторж. Твер., 1852. Коровы будут зыкать, бегают оны, хвосты поднявши, так зыкают. Пек. Твер., Моск.».²⁷

В народной традиции слово «зыкать» («зыкаться») приобрело и переносные значения. Во-первых, в отношении скота: «Испытывать беспокойство, беситься во время течки (о скоте). Орл., 1852. Корова зыкается. Орл.».²⁸ Во-вторых, в отношении поведения людей, прежде всего девушек: «Находиться в постоянном движении, резвиться, бегать, прыгать. Наша девка все зыкает. Смол., 1914. <...> Вести себя не в меру бойко, легкомысленно (о девушке). Осташк. Твер., 1855».²⁹

Если давать определение поведению Лизы, известной своей ветреностью (Настя «столь же ветрена, как и ее барышня» (VIII, 111)), на диалекте, то она именно «зыкает», «зыкается», иначе говоря, ведет себя по принципу «Акулина-задери хвосты». Пушкину безусловно было известно распространенное в псковских говорах слово «зыкаться», как и переносные его употребления. В черновой редакции Настя более откровенно реагирует на «зыкание»

²⁵ *Даль В. И.* Толковый словарь... Т. 1. С. 9.

²⁶ См. запись в дневнике М. М. Пришвина от 21 февраля 1925 года, где «великий коровий зык» входит в систему правильного отсчета календарного времени: «Мне нужно, чтобы все приходило вовремя. После морозов сретенских и ужасных февральских метелей пришла бы мартовская Авдотья-обсери проруби, становилось бы вовремя жарко, налетало оводье и комарье около Акулины-задери хвосты, и так начался бы великий коровий зык». См.: <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/dnevnik/dnevnik-otdelno/1925.htm>; дата обращения: 31.10.2020.

²⁷ Словарь русских народных говоров. Вып. 12. С. 36.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

барышни: «И конечно: я сошью вам толстую рубашку, сарафан — Трофим пастух сплетет вам лапти. Распустите косу — и ступайте смело в Тугилово» (VIII, 671). Если к этому добавить любимую песню Насти («Капитанская дочь / Не ходи гулять в полночь»), упомянутую в черновой редакции (VIII, 671), то картина складывается вполне красноречивая.

В окончательном тексте такой откровенности нет, но смысловое поле «Акулины-задери хвосты» и «зыка-нья» вполне актуально. Гиперболизируя, можно сказать, что любой «скобарь», владеющий диалектом, прочитав «Барышню-крестьянку» мог бы заявить: «Во девка-то зыкается!»

Экскурс 1: Как звали поварову жену?

Есть в повести еще одна календарная примета, не замечаемая как календарная. Это день именин «поваровой жены» в Тугилове. Если проверить по церковному календарю, то оказывается, что на вторую половину июня — первую половину июля приходится не так уж много дней памяти женщин-святых. Распространенных имен, имеющих отклики в народном календаре и фольклорной традиции (а вряд ли жена дворового человека, повара, собравшая всю округу на свои именины, была Харитой, Павлой или Февронией), — всего три: Акулина (память мученицы Акилины Старшей 13/26 июня), Агриппина/Аграфена (память мученицы Агриппины Римляныни 23 июня/6 июля) и Марфа (память преподобной Марфы Антиохийской 4/17 июля).

Соблазн обрести еще одну, пятую, Акулину в повести очень велик. Но для внутреннего календаря повести 13 июня — это слишком рано. Студенты и выпускники покидали стены университетов гораздо позже. А главное: «Алексей охотится с легавой, это значит, что Петров день (29 июня ст. ст.; 12 июля н. ст.) — день начала охоты — уже прошел. Ранее охотиться Алексею было невозможно.

И дело не в традиции, закрепленной государственным правилом, начинать охоту с Петрова дня. Алексей просто не мог бы как благородный человек охотиться ранее, ибо его собака без выстрела хватала бы не вставших на крыло „хлопунцов“». ³⁰ В общем, скрепя сердце, от пятой Акулины — «поваровой жены» — придется отказаться.

Что касается Марфы, то этот день вполне соответствует мнению В. В. Головина о благородстве Алексея как охотника. Но тогда «весеннее утро» надо или объяснять авторской оплошностью или сложно считываемой пародийной игрой в сентименталистский стиль. ³¹ Не очень уместна после Петрова дня и игра в горелки, связанная с весенним временем и солнечным циклом. Кроме того, это не время больших праздников, с Петрова дня начинался традиционно сенокос. А по рассказу Насти на именины поваровой жены собралась вся округа: «...колбинские, захарьевские, хлупинские...» (VIII, 112), а еще прилучинские и местные тугиловские. Понятно, что дворовые люди пытаются включить себя в парадигму барской жизни, поэтому, наверное (в чем сомневаюсь!), и в горелки могли себе позволить играть не вовремя, и праздник устроить в непраздничное время. Но все-таки, кажется, традиционные календарные ритмы продолжали быть действенными в дворовой среде.

День Аграфены-купальницы (канун Иванова дня) встраивается во внутренний календарь повести вполне естественно. На месте оказывается и «весеннее утро», до окончания весны по народным представлениям — Петрова дня — еще несколько дней. Вообще характер праздника у поваровой жены объясняется двойственностью положения дворни. Именины празднуют по барскому образцу, крестьяне именин не отмечали. Но за именинами скрывается крестьянское празднование кануна Иванова дня, с размахом «съезжего праздника», с характерным

³⁰ Головин В. В. Указ. соч. С. 122.

³¹ Там же. С. 122—123.

наименованием гостей по деревням. Затесавшаяся внутрь ряда «приказчица с дочерьми» — как раз из именинно-барского сценария: «Были колбинские, захарьевские, приказчица с дочерьми, хлупинские...» (VIII, 112). Как и положено по крестьянской традиции, молодежь в канун Иванова дня играет в горелки, хотя при этом с ними и молодой барин. Но угощение на праздничном обеде отнюдь не крестьянское, а барское: «...и обед был славный; пирожное блан-манже синее, красное и полосатое...» (VIII, 112).

Что касается Лизина похода за грибами с кузовком на веревочке, то, конечно, конец июня — не главный грибной сезон, но грибы все-таки возможны. Да и Алексей вряд ли разбирался в «грибной охоте», не барское это дело. Лизе, очевидно, это все понятно, так как в расчетливости и продуманности действий ей отказать нельзя, и откровенную нелепость она вряд ли бы допустила.

Главный аргумент против «версии Аграфены» — еще не наступил Петров день, и охота с легавой запрещена. Конечно, не хотелось бы «доброе малое» Алексея уличать в таком недостойном поведении: «Это было бы чистейшим варварством, которое бы не позволил себе дворянин». ³² Но, во-первых, до Петрова дня всего неделя, и сроки «в одной из отдаленных наших губерний» могли быть более-менее приблизительны.

Во-вторых, можно предположить, никоим образом не подвергая сомнению благородство Алексея, что его охота обладает определенным элементом игры. Читатель ничего не узнает об охоте как таковой. Известно, что у Алексея есть ружье и «прекрасная легавая собака» с модным романтическим именем Сбогар (по герою романа Шарля Нодье), которой он отдает команды по-французски. Все это явно отдает театральностью. На мой взгляд, Алексей скорее играет в «молодого охотника», ³³ нежели реально

³² Головин В. В. Указ. соч. С. 122.

³³ Так он именуется в повести два раза, в том числе и при первом появлении перед Лизой-Акулиной: «В то же время раздался голос: „Tout beau,

охотится. Собственно говоря, для образа Алексея это вполне закономерно. Так он играет в романтического героя: «Он первый перед ними (уездными барышнями. — *О. Н.*) явился мрачным и разочарованным, первый говорил им об утраченных радостях и об увядшей своей юности...» (VIII, 111).

Вообще-то в повести так или иначе играют все, не только Лиза: старший Берестов — в русского барина с консервативными замашками, Муромский — в англомана, мисс Жаксон — в героиню Ричардсона, дворовые люди — в барские именины. Почему Алексей играет в романтического героя (очевидна автопародия на образ Онегина) — понятно. Но зачем ему играть в охотника? По сведениям, сообщенным мне В. В. Головиным в частной беседе, псовые и ружейные охотники противопоставляли себя друг другу, признавая лишь свой вид охоты. Иначе говоря, настоящий псовый охотник, имеющий своры борзых, никогда не пойдет охотиться с ружьем и легавой, как и наоборот. Как известно, старший Берестов — завзятый и заядлый охотник с борзыми. В самом начале повести сообщается, что его жена «умерла в родах, в то время как он находился в отъезде поле» (VIII, 109).

О непростых отношениях отца и сына Берестовых по повести хорошо известно. Так может, «охотничья презентация» нужна Алексею, чтобы досадить отцу? Как настоящий псовый охотник старший Берестов, естественно, должен не переносить ружейную охоту. А тут «всякой день, рано поутру» (VIII, 113) его сын с ружьем и «прекрасной легавой собакой», с которой он говорит по-французски, проходит под его окнами... В повести отчетливо считывается противопоставление двух образов охоты: уже упомянутая «охотничья презентация» Алексея

Sbogar ici...“ и молодой охотник показался из-за кустарника» (VIII, 114); «Она в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания, весь разговор Акулины с молодым охотником, и совесть начинала ее мучить» (VIII, 115). Акцент здесь вполне может стоять на эпитете «молодой», а не на слове «охотник».

и охота старшего Берестова, «гордо сидящего верхом, в чекмене, подбитом лисьим мехом» (VIII, 117): с тремя парами борзых, стремянным и дворовыми мальчишками с трещотками.

В-третьих, «охота» Алексея Берестова может быть истолкована и в переносном значении. В диалоге Лизы с Настей сообщению о том, что Алексей ходит на охоту, предшествует целый ряд характеристик младшего Берестова, опровергающих его романтический образ в глазах Лизы («лицо бледное», «печален, задумчив»; «влюблен и ни на кого не смотрит» (VIII, 112)): «Стройный, высокий, румянец во всю щеку»; «Да этакого бешеного я и сроду не видывала. Вздумал он с нами в горелки бегать»; «Поймает, и ну целовать!»; «...да грех сказать, никого не обидел, такой баловник!»; «Одно нехорошо: за девушками слишком любит гоняться» (VIII, 112).

Сразу вслед за этим и возникает предложение Насти: «Тугилово от нас недалеко, всего три версты: подите гулять в ту сторону, или поезжайте верхом; вы верно встретите его. *Он же всякой день, рано поутру, ходит с ружьем на охоту*» (VIII, 113). В таком контексте «охотник с ружьем» является дискурсивным продолжением «охотника гоняться за девушками». В конце концов, на какую охоту на самом деле выходит Алексей? Уже на следующий день после встречи с Лизой-Акулиной он не заряжает ружье («Не дав себе времени зарядить ружье...» (VIII, 116)) и, что очевидно для читателей, забывает об охоте на уток вовсе. В то время как уже при первой встрече он ведет себя как «охотник гоняться за девушками» вполне профессионально: «Привыкнув не церемониться с хорошенькими поселянками, он было хотел обнять ее...» (VIII, 114). Неслучайно Настя проникательно замечает: «И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан, да и ступайте смело в Тугилово; ручаюсь вам, что Берестов уж вас *не прозевает*» (VIII, 113). Собственно «не прозевает» можно отнести и к охоте на уток. Но про настоящую охоту читатель ничего так и не узнаёт и не узнает, а вот Лизу-Акулину он

точно «не прозевывает». Может, на самом деле младший Берестов выходит на охоту за «хорошенькими поселянками», а ружье и собаку берет так, для отвода глаз? Впрочем, как и Лиза взяла кузовок на веревочке для маскировки. Хотя в случае Алексея возможен вполне и противоположный вариант: выходит все-таки на охоту, но не исключает и встречи с «хорошенькой поселянкой». Тем более что подобная возможность предуказана и топиной охотничьей поэзией XVIII века: «Охотничья поэзия включала только три мотива: охотничьей страсти, восхищения природой и встречи охотника с прекрасной девушкой».³⁴

Если принять, хотя бы гипотетически, «версию Аграфены», то встреча Лизы с Алексеем приобретает четкую календарную привязку. Именины поваровой жены празднуются 23 июня. На следующий день (Иванов день — 24 июня) готовится крестьянский наряд. Лиза встречается в роще с Алексеем 25 июня — в день памяти святых благоверных князя Петра и княгини Февронии, в иночестве Давида и Евфросинии, Муромских чудотворцев.

Насколько актуален был для Пушкина день Петра и Февронии? Интерес Пушкина к агиографии хорошо известен: «На протяжении всей его жизни „Четви-Минеи“ и „Пролог“ были его постоянным чтением».³⁵ Сохранились выписки Пушкина из «Пролога» и «Четвух-Миней».³⁶ С. А. Фомичев пишет, что житийный стиль повлиял и на «Повести Белкина»: «...интерес к житийной литературе у Пушкина усилился в 1830-е годы, в то время, когда он все настойчивее обращается к прозе. Нам представляется, что стиль простодушного агиографического повествования своеобразно отразился в предисловии к „Повестям

³⁴ Головин В. В. Указ. соч. С. 124.

³⁵ Фомичев С. А. Пушкин и древнерусская литература // Русская литература. 1987. № 1. С. 29.

³⁶ Есть мнение в пушкинистике, что эти выписки и относились в основном к болдинской осени 1830 года. См.: Прохоров Г. Новый автограф Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Вып. 6. С. 38.

покойного Ивана Петровича Белкина“, где описывается жизнь Белкина». ³⁷

В изданиях «Четых-Миней» Дмитрия Ростовского, которыми мог пользоваться Пушкин, житие Петра и Февронии не было включено ³⁸, есть только месяцесловная запись под 25 июня: ³⁹ «В той же день память святых благоверных князей муромских Петра и супруги его Февронии, нареченных во иночестве Давида и Евфросинии. Зри о них в Прологу». ⁴⁰ Но Пушкин мог читать краткое житие в Прологе. С «Повестью о Петре и Февронии» оно имеет очень мало общего. ⁴¹ Но и проложный вариант жития дает представление об идеале благочестивой жизни супругов, похороненных по смерти в одном гробе.

Не вдаваясь в комментарии, понятно, что подобная отсылка еще больше расширяет поле игровых смыслов повести, добавляя дополнительную перспективу, которую можно толковать и иронически, и серьезно. Читатель может попрекнуть автора этих строк, не сильно ли его занесло? Но ведь героиня пушкинской повести — Елизавета *Муромская*. Известно, что Пушкин не раз менял фамилию отца Лизы, в конце концов остановившись на Муромском: «а. Не поладил с ним один то<лько> б. Не ладил с ним только один [сос<ед>] князь Григорий Иванович *Почекин в*. Не ладил с ним один Григорий Иванович *Освалицк<ий>*» (VIII, 662).

³⁷ *Фомичев С. А.* Указ. соч. С. 31.

³⁸ В поздние, как и современные издания, в состав «Четых Миней» Дмитрия Ростовского уже включалось проложное житие Петра и Февронии.

³⁹ Глубоко признателен за эти сведения Марине Анатольевне Федотовой.

⁴⁰ *Св. Дмитрий Ростовский. Жития святых.* Кн. 4. Киево-Печерская лавра, 1764. СПб., 2009. Л. 183.

⁴¹ С «Повестью о Петре и Февронии» Пушкин вряд ли был знаком, он мог читать ее только в рукописи. Хотя соблазн сопоставлений «Барышни-крестьянки» с «Повестью о Петре и Февронии» очень велик: активность женской позиции, «загадочность» поведения и речи, крестьянское происхождение Февронии и мнимый крестьянский облик Лизы-Акулины и т. д.

*Экскурс 2: Почему Лиза клянется
«святой пятницей»?*

В повести есть еще одна реалья, которая может быть истолкована как хронологическая примета. В конце первого свидания свое обещание прийти завтра Лиза-Акулина подкрепляет тем, что клянется «святой пятницей»: «— „Побожись“. — „Ну вот те святая пятница, приду“» (VIII, 115). По авторитетному мнению В. В. Головина, такая клятва не фиксировалась в русской традиции,⁴² хотя Б. А. Успенский ссылается на повесть Пушкина как на источник.⁴³ В. В. Головин, отрицая связь Лизиной «клятвы» со святой Параскевой Пятницей, предлагает экстравагантное толкование: «Лиза явно переигрывает — святой Параскевой-пятницей не клялись. Но на французском пятница — *vendredi* — день Венеры, т. е. день богини любви. Пушкин прекрасно знал „о пятницах“ — это престольный и ярмарочный день в Святых Горах. Таким образом, Пушкин не только обыгрывает нелепое подражание, но, возможно, подразумевает и любовный подтекст. Лиза, как мы знаем, и с русскими, и с англичанкой говорит только на русском и французском, а во французском языке достаточно фразеологизмов с „пятницей“».⁴⁴

Это предположение кажется все-таки слишком экстравагантным. Присвоить эпитет «святая» Венере (хотя бы и в варианте «дня Венеры») для семнадцатилетней барышни, даже и воспитанной отцом-англоманом, кажется мало возможным. И обилие французских фразеологизмов с «пятницей» здесь вряд ли поможет. Допускаю, что подобные ассоциации возможны в читательском восприятии, но все-таки это не сама Лиза клянется «святым Венериным днем». У формулы «вот те святая пятница»,

⁴² Головин В. В. Указ. соч. С. 131.

⁴³ Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982. С. 135—136.

⁴⁴ Головин В. В. Указ. соч. С. 131—132.

пусть и сымпровизированной Лизой, должна быть какая-то русская подоплека. Собственно, на вариант объяснения сам Головин и указывает: почитаемый в Святых Горах день, с которого начиналась и ярмарка, это девятая пятница после Пасхи.⁴⁵ Импровизация Лизы, которая пытается встроиться в стихию народной речи, может быть обусловлена, например, тем, что девятая пятница прошла совсем недавно. Иначе говоря, Лиза подбирает для своей клятвы из народных реалий то, что находится рядом. Такой ход вполне естественен для человека, хотя и убежденного в «прекрасном» владении народным языком («А по-здешнему я говорить умею прекрасно» (VIII, 113)), но тем не менее не включенного в традицию.

Девятая пятница могла приходиться на разные дни в мае и июне, в зависимости от срока Пасхи. Поскольку временные рамки действия повести известны: от 1818-го (время публикации романа Шарля Нодье «Жан Сбогар») до 1828 года (год смерти Ивана Петровича Белкина), то можно попытаться определить и сроки девятой пятницы. Самая поздняя Пасха в этот период приходится на 1823 год — 22 апреля, а, соответственно, девятая пятница — 22 июня. Тогда, если принять «версию Аграфены», все становится на свои места. Алексей встречает Лизу-Акулину 25 июня, в понедельник, девятая пятница прошла лишь три дня назад. Для Лизы, которой не откажешь в смекалке, этого достаточно, чтобы сымпровизировать клятву.

Тогда понятна и ее реакция на попытку Алексея поклясться пятницей: «Алексей поклялся было ей святою пятницею, но она с улыбкой остановила его» (VIII, 116). Б. А. Успенский объясняет улыбку Лизы непониманием Алексея того, что это «женская клятва» и ее не может использовать мужчина.⁴⁶ В таком случае Лизе явно приписывается укорененность в традиции и фольклорное сознание,

⁴⁵ Девятая пятница отмечалась в разных областных традициях. См. об этом: *Успенский Б. А.* Указ. соч. С. 134—135.

⁴⁶ Там же. С. 136.

что мало похоже на правду. В случае же, если это всего лишь сымпровизированный окказионализм (по близости пятницы), то есть чему улыбаться: Лиза сама удивлена тому, что ей удалось так убедительно изобрести «народную клятву» и так легко ввести в заблуждение Алексея.⁴⁷

Актуальны для повести могут быть и ярмарочные коннотации девятой пятницы. Ярмарка проходила не один день. Так, по опубликованному Э. А. Узеневым рапорту земского исправника, в 1829 году она длилась с 14 по 17 июня, то есть 4 дня.⁴⁸ В 1850-е годы — 7 дней.⁴⁹ То есть если, по моему предположению, действие повести происходит в 1823 году,⁵⁰ то и ярмарка 25 июня еще не закончилась. Тогда Лизе еще проще изобрести «народную клятву», коль скоро «пятница» на слуху.

Актуализация ярмарочного контекста позволяет и в самом тексте увидеть ярмарочные реалии. Так, снаряжая крестьянский костюм, Лиза «послала купить *на базаре толстого полотна, синей китайки и медных пуговок*» (VIII, 113). Как хорошо известно, именно ткани были главным товаром на сельских ярмарках. К тому же, если «толстое полотно» можно было купить и у крестьян, то китайку и медные пуговицы исключительно на ярмарке. В «репетиции» крестьянской роли накануне встречи с Алексеем появляются «глиняные коты», которые, без сомнения, относятся к «ярмарочному бестиарию»: «Она повторила свою роль, на ходу низко кланялась и несколько раз потом качала головою, напоподобие *глиняных котов...*» (VIII, 113). В своем «крестьянском образе» Лиза может ориентироваться не только на ярмарочных котов, но и на самого

⁴⁷ Улыбка Лизы, конечно же, может быть объяснена и в рамках «версии Венеры»: Алексей, тоже владеющий французским языком, не понял хитроумного намека. Но в этом случае Лиза явно приобретает черты демонической женщины.

⁴⁸ Узенев Э. А. Из истории святогорских ярмарок// Псков. 2016. № 45. С. 125.

⁴⁹ Там же. С. 123.

⁵⁰ Сколько дней проходила ярмарка в 1823 году, пока неизвестно.

Пушкина, который переряживался в крестьянина на Святогорской ярмарке:

В другое же время, когда в монастыре была ярмарка в девятую пятницу, Пушкин, как рассказывают очевидцы-старожилы, одетый в *крестьянскую белую рубаху с красными ластовками, опоясанный красною лентою*, с таковою же — и через плечо... вместе с нищими при монастырских воротах участвовал в пении стихов о Лазаре, Алексии, человеке Божиим, и других, тростью же с бубенчиками давал им такт, чем привлек к себе большую массу народа и заслонил проход в монастырь — на ярмарку.⁵¹

Можно сказать, что переряживание на ярмарку вполне в логике пушкинского художественного сознания. Конечно, ярмарочным святогорским коннотациям мешает то, что действие повести не связано ни со Святыми Горами, ни с Псковской губернией. Напротив, Пушкин, кажется, маскирует географическую локализацию «Барышни-крестьянки», уводя читателя от возможных привязок к Псковщине. Первые слова повести «В одной из отдаленных наших губерний...» (VIII, 109) никак не могут относиться к Псковской губернии, так как она соседствует с Петербургской, столичной. Мало того, в автографе Лиза, хвастаясь перед Настей своим знанием местного диалекта, цокает: «А по здешнему я говорить умею прекрасно *цаво! не хоцу*» (VIII, 671). Цоканье слишком откровенно отсылало к Псковской губернии,⁵² поэтому Пушкин его снял.

⁵¹ Иоанн, игумен. Описание Святогорского Успен. монастыря Псковской епархии // Свято-Успенский Святогорский мужской монастырь Псковской епархии. М., 2003. С. 102. Еще более эпатажного «ярмарочного» Пушкина можно обнаружить в дневнике опочецкого купца Ивана Игнатьевича Лапина за 1825 год: «29 мая. В Святых Горах был о 9 пятнице... И здесь я имел счастье видеть Александру Сергеича г-на Пушкина, который некоторым образом удивил странною своею одежною [одеждою], а например: у него была надета на голове соломенная шляпа, в *ситцевой красной рубашке, опоясавши голубою ленточкою...*» (Соборский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем. 1414—1914. Псков, 1912. С. 203).

⁵² Ср. с шуточным представлением псковской речи в прибаутках: «От Опочьки две верстоцьки да в боцёк один скацёк».

Впрочем, все эти оговорки в дело не идут, так как «Барышня-крестьянка» — не мемуары и не краеведческий очерк, а художественный текст, да еще и с заключенными в нем несколькими повествовательскими позициями: «девица К. И. Т.», Иван Петрович Белкин, Пушкин. И откуда бы ни явилась модель ярмарочного поведения, в подтексте повествования она кажется значимой.

Экскурс 3: Временные неувязки или психологические паузы?

Всем этим моим «остроумным» календарным реконструкциям мешают две временные приметы повести.

Во-первых, когда Лиза вышла из дома, «Заря сияла на востоке...» (VIII, 113). А перед встречей с Алексеем дается точное время: «в шестом часу весеннего утра» (VIII, 114). Если это 25 июня, то светать начинает около 3 часов утра, а солнце всходит около 4-х. «Заря сияет», очевидно, где-то в полчетвертого утра. Получается, что Лиза целых полтора часа идет до рощи? Известно, что от Прилучина до Тугилова «всего три версты» (VIII, 113), а роща находится по дороге. Или бродит по роще?

Эту временную нестыковку Пушкин создает сознательно. В первом варианте рукописи ее не было: «Солнце горело ярко на востоке» (VIII, 673); вместо шестого часа был пятый: «в пятом часу весеннего утра» (VIII, 674). В. В. Головин объясняет это нарочитой повествовательной игрой с читателем по принципу «веришь — не веришь»,⁵³ объединившей «три времени года в один день».⁵⁴ Можно, конечно, снять противоречие, сдвинув время действия повести на август, но этому слишком многое сопротивляется (в первую очередь «весеннее утро» и «пение птичек»). Мне кажется, что возможно более простое объяснение — Пушкину нужна пауза, чтобы этой паузой обозначить

⁵³ Головин В. В. Указ. соч. С. 123.

⁵⁴ Там же. С. 122.

сложность чувств и переживаний Лизы. А с ее душевным состоянием, действительно, много чего происходит: «...ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек наполняли сердце Лизы младенческой веселостию» (VIII, 113); «Сердце ее сильно билось, само не зная почему; но боязнь, сопровождающая молодые наши проказы, составляет и главную их прелесть» (VIII, 114); «Глухой, перекаточный шум ее приветствовал девушку. Веселость ее притихла. Мало-помалу предалась она сладкой мечтательности» (VIII, 114); «Она *думала*... но можно ли с точностию определить, о *чем думает* семнадцатилетняя барышня, одна, в роще, в шестом часу весеннего утра?» (VIII, 114).

Все это требует определенной временной длительности. Одна только «сладкая мечтательность» не может быть слишком кратковременной, она тогда перестанет быть или «мечтательностью», или «сладкой». Пауза призывает и читателя включиться в процесс домысливания: о чем же думала Лиза? А в плане событийном тоже нет противоречий — не сразу же она, влетев в рощу, наткнулась на Алексея?

В этом фрагменте Пушкин поменял и эпитет: «невнятный шум» (VIII, 673) — «Глухой, перекаточный шум» (VIII, 114). Слово «перекаточный» довольно точно передает ощущение от шума рощи именно в этот период времени: в конце июня — начале июля. Если смотреть на этот фрагмент сквозь открытую сентименталистами «оптику» (душевное состояние соответствует состоянию природы, и наоборот), то чувства Лизы в их переменчивости вполне и могут быть охарактеризованы как «перекаточные», эпитет «невнятный» не столь точен.

Во-вторых, во фрагменте текста, предшествующего выезду старшего Берестова, есть временная примета: «...не прошло еще и двух месяцев, а мой Алексей был уже влюблен без памяти, и Лиза была не равнодушнее, хотя и молчаливее его» (VIII, 117). Если принять это указание за отсчет событий, то сразу попадаешь в тупик. Если встреча Алексея с Лизой была 25 июня, тогда, отсчитав срок меньше двух месяцев, получаем середину августа. А с этой

датой никак не вяжется ни «одно ясное, холодное утро (из тех, какими богата наша русская осень)» (VIII, 117), ни, тем более, «мерзлая земля», на которую падает со своей куцей кобылы Муромский. Противоречие кажется непреодолимым, если воспринимать фразу «не прошло еще и двух месяцев» как относящуюся к выезду Берестова.

Но временную реалию можно прочитать и в другом контексте, в котором, собственно, она и находится — истории любовных отношений Алексея и Лизы-Акулины. Тем более что дальше речь идет именно о психологических коллизиях их чувства:

Оба они были счастливы настоящим и мало думали о будущем. Мысль о неразрывных узах довольно часто мелькала в их уме, но никогда они о том друг с другом не говорили. Причина ясная: Алексей, как ни привязан был к милой своей Акулине, всё помнил расстояние, существующее между им и бедной крестьянкою; а Лиза ведала, какая ненависть существовала между их отцами, и не смела надеяться на взаимное примирение. К тому же самолюбие ее было втайне подстрекаемо темной, романической надеждою увидеть наконец тугиловского помещика у ног дочери прилучинского кузнеца (VIII, 117).

Кажется, Пушкин здесь опять использует тот же прием «психологической паузы», создавая эффект длительности и продолженности переживаний. «Два месяца»⁵⁵ обозначают срок возникновения любви, а далее следует неопределенное время, наполненное переживаниями вокруг любви. И только теперь повествование возвращается к событийному ряду, уже со своей собственной «осенней» привязкой: «Вдруг важное происшествие чуть было не переменило их взаимных отношений» (VIII, 117).⁵⁶

⁵⁵ Кстати, «не прошло и двух месяцев» в данном случае фактически единственно возможная формула. «Три месяца» — это уже много, один — не серьезно.

⁵⁶ Приношу глубокую благодарность Сергею Федорову, который помог в анализе этих фрагментов.

Акулина пятая

Кажется, в повести возникает некий эффект «плавающей Акулины». Имя всплывает и в поле героя (вокруг Алексея три Акулины: Акулина Петровна Курочкина, Лиза-Акулина, «дочь Василья кузнеца»), и в поле читателя (календарные коннотации). Уникальность имени «Акулина» в том, что все эти случаи могут быть объединены на метауровне — и тоже Акулиной. Так именуется распространённая карточная игра («в Акулину», «в Акульку»), «проигравший в этой игре»⁵⁷ и дама пик, вокруг которой и строится сценарий игры. По правилам игры сбрасываются пары одинаковых по достоинству карт, «Акулина» (дама пик) сбрасываться не может, проигрывает тот, кто остаётся с ней на руках. Создается устойчивое ощущение, что само повествование втягивает Алексея Берестова в игру «в Акулину». Тогда, согласно правилам, он проигрывает, оставшись с Акулиной. Правда, здесь открывается бездна возможностей для интерпретации. Получает Алексей «милую Акулину» или «ветреную Лизу»? Или маска крестьянки Акулины в результате преодолевает в природе героини ее капризность и избалованность, и читатель наблюдает «процесс трансформации заглавного оксюморона в синтез»?⁵⁸ И не обосновано ли сомнение Вольфа Шмида: «...подходит ли такая сложность характера намного более простому Алексею»?⁵⁹

Выявленные карточные коннотации пока проблематичны, так как неизвестно, бытовала ли во времена Пушкина игра «в Акулину» («в Акульку») и, по крайней мере, имела ли она такое название. (Известно по более поздним источникам, что игра могла именоваться также «Ведьмой» и «Дамкой».) Просмотр некоторых пособий по карточным

⁵⁷ *Отин Е. С.* Указ. соч. С. 45.

⁵⁸ *Шмид Вольф.* Указ. соч. С. 244.

⁵⁹ Там же.

играм XVIII — начала XIX веков⁶⁰ дал отрицательный результат. Пока первое по времени описание игры «в Дамку или Акульку» находим в книге «Русский карточный игрок» 1880 года: «Эта игра, очень любимая матросами, кажется, перешла к нам из Англии. Она имеет некоторое сходство с дураками, но гораздо проще, и успех в ней зависит положительно от случая».⁶¹ Правда, пособия по карточным играм были посвящены в основном играм коммерческим, реже — с включением пасьянсов. «Семейные или Народные игры»⁶² достаивались внимания крайне редко.⁶³

Проверка литературных источников (по Национальному корпусу русского языка) также не привела к удивительным результатам. Игра «в Акульку» оказалась популярна как бытовая реалья — в основном способ простонародного «убивания времени» — в текстах 1920—1940-х годов — 6 позиций: И. В. Евдокимов, С. А. Семенов, Б. В. Савинков (В. Ропшин), Саша Черный, М. А. Осоргин. Правда, среди текстов 1920-х оказалась и «романтическая» повесть А. В. Чаянова «Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей» (1922), действие в которой отнесено к началу XIX века. Игра «в Акульку» появляется в самом финале повести — последнем абзаце:

Вот и вся повесть жизни моей. Упомяну только в заключение, что лет через пять после француза, перебирая сундуки в поисках парадной одежды для посещения торжества открытия памятника гражданину Минину и князю Пожарскому, на которое получили мы с Настенькой билеты, нашли мы старый мой студенческий мундир, из

⁶⁰ См., например: Новейший Русской карточный игрок. Ч. 1—2. СПб., 1809; Искусство играть в карты или Новый и полный карточный игрок. М., 1830.

⁶¹ Русский карточный игрок / Сост. Вадим Бахирев. СПб., 1880. С. 133. См. также в кн.: Карточный игрок на все руки. М., 1901. С. 304.

⁶² Там же. С. 127.

⁶³ Приношу глубокую благодарность Дмитрию Константиновичу Равинскому за помощь, оказанную в поиске игры «в Акулину» в книгах XIX века.

кармана которого выпал золотой треугольник моей души. Долго мы не знали, что с ним делать, и смотрели на него со странностью, пока я не проиграл его Настеньке в карточную игру *Акульку*. Настенька взяла треугольник с трепетом, привязала себе на крест, и — странное дело! — с той поры, не знал я больше ни скорби, ни горести. Не ведаю их и сейчас, бродя, опираясь на палку, по склонам московским и зная, что душу мою Настенька бережет в своем гробике на Донском монастыре.⁶⁴

На чем основывалась уверенность Чайнова в том, что в конце 1810 — начале 1820-х годов (торжественное открытие памятника Минину и Пожарскому состоялось 20 февраля 1818 года) его герой мог проиграть «в Акульку» своей жене золотой «треугольник», выигранный в демонической игре в карты, неизвестно. Но мне тоже хочется быть уверенным в том, что игра «в Акулину» («в Акульку»), именно с таким названием, бытовала во времена Пушкина. (В любом случае она может всплыть в сознании читателя, с игрой «в Акулину» («в Акульку») хорошо знакомого.)

Если бы это было так, то открылась бы еще одна любопытная смысловая перспектива в художественном мире пушкинской прозы. 28 сентября 1833 года Пушкин получает от В. Ф. Одоевского письмо с творческим предложением, адресованным «г. Белкину»:

Скажите, любезнейший Александр Сергеевич: что делает наш почтенный г. Белкин? Его сотрудники Гомозейко и Рудый Панек по странному стечению обстоятельств описали: первый — гостиную, второй — чердак; нельзя ли г. Белкину взять на свою ответственность — погреб, тогда бы вышел весь дом в три этажа и можно было бы к «Тройчатке» сделать картинку, представляющую разрез дома в 3 этажа с различными в каждом сценами... (XV, 84).

⁶⁴ Чайнов А. В. Венедиктов, или Достопамятные события жизни моей // http://az.lib.ru/c/chajanow_a_w/text_0010.shtml; дата обращения: 31.10.2020.

С. А. Фомичев, убедительно реконструирующий историю так и не состоявшегося альманаха «Тройчатка», предполагает:

У Пушкина же к осени 1833 года не было ничего готового для альманаха. Однако среди набросков 1832 года существовал тот, который впоследствии разовьется в повесть «Пиковая дама»: две написанные вчерне главки так называемой повести об игре, герой которой носит фамилию Германн.

Не исключена возможность, что о замысле повести об игре был осведомлен кто-то из троих: Одоевский, Гоголь или Жуковский, — иначе трудно допустить, что первый из них мог бы предложить Пушкину специально подстраиваться к альманаху «Тройчатка», две «верхние части» которого были уже готовы (или почти готовы).⁶⁵

В письме В. Ф. Одоевскому от 30 октября 1833 года Пушкин, рассыпаясь в извинениях, окончательно «хоронит» Ивана Петровича Белкина как писателя: «Не дожидайтесь Белкина; не на шутку, видно он покойник; не бывать ему на новосельи ни в гостиной Гомозейки, ни на чердаке Панка. Недостоин он видно быть в их компании... А куда бы не худо до погреба-то добраться» (XV, 84).

«Пиковая дама» была Пушкиным написана, но без участия Белкина. Тем не менее в свете гипотетически мною выстроенного «Акулининого текста» просматривается смысловая взаимосвязь между последней (по авторской композиции первого издания) в «Повестях Белкина» повестью «Барышня-крестьянка» и «Пиковой дамой». Безобидная игра «в Акулину» оборачивается рушащим человеческий разум и судьбы «фараоном», пародийно-игровая ярмарочно-маскарадная атмосфера «Барышни-крестьянки» — трагической историей, с налетом мистики,

⁶⁵ Фомичев С. А. Пушкинская перспектива. М., 2007. <https://iknigi.net/avtor-s-fomichev/19869-pushkinskaya-perspektiva-s-fomichev/read/page-11.html>; дата обращения: 31.10.2020.

а Акулина в разных обличьях, весело «подмигивающая» читателю со страниц «Барышни-крестьянки», превращается в пиковую даму: «В эту минуту ему показалось, что пиковая дама прищурилась и усмехнулась. Необыкновенное сходство поразило его...

— Старуха! — закричал он в ужасе» [Т. VIII. С. 251].⁶⁶

*

Формула «Баратынский ржет и бьется» — с подвохом. Она провоцирует бесконечно искать ответ. И эта закономерность задана поэтикой «Повестей Белкина». Лучшее всего ее основной принцип определила сказочница Клавдия Терентьевна Клишкова в финале пересказа «Барышни-крестьянки»: «А как это так получилось? Ну вот, так и получилось».⁶⁷

⁶⁶ Ср. с эпизодом — Германн на похоронах графини: «В эту минуту показалось ему, что мертвая насмешливо взглянула на него, прищуривая одним глазом» [Т. VIII. С. 247]. Называет Германн графиню и «старой ведьмой»: «Германн встал. — Старая ведьма! — сказал он, стиснув зубы, — так я ж заставляю тебя отвечать...» [Т. VIII. С. 242]. Как было сказано, игра «в Акулину» тоже могла именоваться «Ведьмой», хотя, не исключая, что на это могла повлиять уже пушкинская «Пиковая дама».

⁶⁷ Возвращение в мир молвы («Барышня-крестьянка» в народных пересказах) / Публ. О. Р. Николаева // Легенды и мифы о Пушкине. СПб., 1994. С. 309.